

Этический персонализм: культуросообразная традиция в психологическом консультировании

Бондаренко А.Ф.

Бондаренко Александр Федорович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Киевский национальный лингвистический университет, ул. Большая Васильковская, 73, Киев, 03680, Украина.

Тел.: +380 (44) 287-33-72.

E-mail: albond@ukrpack.net

Аннотация. Практикующий психолог, в отличие от психиатра, работает, прежде всего, с отношениями и эмоциональными состояниями, индуцированными травматичными отношениями. Здесь главная определяющая причина травмы — способы действий пациента, которые вытекают из ценностно-смысловой структуры его личностного «Я» и той этической системы, которую «Я» в себе несет. Понять, ради кого ты готов жертвовать собой в отношениях, понять, не приносят ли тебя в жертву, кто благословил тебя на те или иные отношения, исправить неверное благословение, допустить, что не ты только, самочинно, управляешь миром этих отношений, но есть еще нечто, некое другое измерение мира, и что ты не всегда равен себе, но, вообще-то, как человек способен к трансцендированию, выходу за видимые рамки данной ситуации в иные смысловые пространства, — вот исходные координаты предлагаемого метода. Здесь процессы ревитализации (возвращения к жизни), ревальвации (заботы об истинных ценностных смыслах) и реконструкции (восстановления достоинства личностного «Я») — главные моменты. Этот метод работы именуется этическим персонализмом. В предлагаемой позиции упор в лечении отношений, от которых страдает человек, пришедший на прием, делается на краеугольных смыслопорождающих импульсах русской культуры, в основе своей православной: отказе от жертвоприношения, потребности в благословении, отсутствии кастрационного комплекса, эдипова комплекса и др. Этический персонализм не является специфическим методом или подходом для консультирования русских, так же как позитивная психотерапия не предназначена только для иранцев или бахаистов, психоанализ не является специфическим средством работы только с евреями или католиками, холотропное дыхание — с индустрами, а юнгианская терапия — с немцами. Он безусловно универсален, поскольку в его основе лежит признание запрета на жертвоприношение в отношениях как сакральное основание истинной человечности. Более того, и сам термин «этический персонализм» принадлежит германскому философу Макс Шелеру. Этический персонализм предоставляет возможность более глубокого, человеческого, сущностного понимания происходящего в межличностных отношениях, чем методы и техники, восходящие к иудаизированным христианским или иным религиозным системам.

Ключевые слова: психологическое консультирование; этический персонализм; человечность; взаимный вклад в отношения; ментальность; культуросообразный метод.

УДК 159.9

Библиографическая ссылка по ГОСТ Р 7.0.5-2008

Бондаренко А.Ф. Этический персонализм: культуросообразная традиция в психологическом консультировании // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 2(31). – С. 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Поступила в редакцию: 02.02.2015 Прошла рецензирование: 16.02.2015 Опубликовано: 01.03.2015

Постановка проблемы

Исходный наш тезис состоит в том, что психологическую помощь оказывает специалист в контексте определенной социокультурной традиции, вольно или невольно воспроизводимой и транслируемой психологом-психотерапевтом. В основе практически любого из современных подходов в психологическом консультировании и психотерапии явно или неявно заложена весьма определенная философская, методологическая и,

глубже, религиозная традиция. Недаром К. Юнг назвал в свое время религию древнейшей формой психотерапии. Не составляет большого труда проследить подобные истоки наиболее известных психотерапевтических парадигм (см. [1; 3; 4; 5; 7; 9; 13; 14; 15; 17; 21; 22; 23; 24; 25; 27] и др.).

В отечественной психологической практике широко заимствуются и используются зарубежные психотерапевтические методы (за исключением психодинамической парадигмы, в основном те, которые созданы в рамках англосаксонской культуры). В большинстве своем эти подходы, концепции и психотерапевтические методы основаны на таких ценностях американского общества, как индивидуалистская ориентация, абсолютизация американского идеала «открытого» общения, атеистическое или, наоборот, резко клерикализированное отношение к религиозному сознанию, протестантская религиозная традиция с ее культом «успеха», которые чужды восточнославянскому культурному ареалу (см. [2; 5; 9]). Между тем прямое перенесение зарубежных психотерапевтических методов в отечественную практику без должного их осмысления и переработки по сути является привнесением чужеродных ценностных элементов в структуру русской ментальности, своеобразной формой индоктринации социокультурно детерминированного сознания мифами, концептами, идеологемами, которые в лучшем случае могут порождать дискомфорт в процессе психотерапевтического взаимодействия, а в худшем — переформатировать личностно-смысловую структуру сознания, подрывая систему тех личностных смыслов, которыми человек обязан духовным ценностям своего народа. Однако в нынешней психологической периодике количество статей, в которых толкуются и перетолковываются нюансы происходящего в психологическом консультировании и психотерапии с позиций классического и неклассического фрейдизма, рожерианства, гештальт-терапии и пр., не иссякает. Авторы публикаций весьма ловко обходят сущностные вопросы, как то: насколько произвольны или обоснованны исходные представления, понятия и способы действий, насколько тот или иной концептуальный аппарат применим к данной этиологии, патогенезу или симптоматике страдания, его психосоциальным и личностным детерминациям, хронобиологическим ритмам и пределам и т. п. Наконец, что, возможно, и составляет главную проблему, насколько целесообразен или эффективен тот или иной метод для избавления от страданий, адаптации к ним, их преодоления или излечения. Собственно говоря, и цели психотерапии, насколько нам известно, традиционно не проблематизируются, будучи зафиксированы на традиционной идеологии психодинамического или гуманистического подходов. Так, согласно З. Фрейду, цель психотерапии — обеспечить человеку возможность «*lieben und arbeiten*», согласно К. Роджерсу — превратить его в «*a fully functioning person*», а по А. Маслоу — дать возможность полностью самореализоваться. Как ни забавно это может выглядеть, но простой вопрос, скажем, о том, что если цели прохождения психотерапии для американских общин четко сформулированы, то означает ли это, что они должны быть таковыми же и для русского человека, немца, китайца или японца остается открытым. Разве не естественно ли было бы выводить цели всегда по существу социокультурно обусловленной психотерапии, из особенностей той или иной культуры, традиций, мировоззрения или хотя бы делать поправку на культурное своеобразие человека? Тем более что в последнее десятилетие в мировой практике психологического консультирования и психотерапии остро встала проблема индигенизации, т.е. поиска культуросообразных подходов к психологическому консультированию и психотерапии (см. [9; 22; 23; 26; 28; 29; 30; 31; 32] и др.). Дело в том, что принадлежность к определенной цивилизации и культуре формирует у того или иного этноса ряд специфических черт, проявляющихся в особенностях высшего психического функционирования, которые, собственно, и определяют возможность или невозможность, целесообразность или даже эффективность использования того или иного подхода в работе с данной категорией пациентов/клиентов. Возникает впечатление, что прозелиты «прогрессизма» не отдают себе отчета в реальной подоплеке тех или иных идейных веяний. Даже прямые призывы выдающихся мыслителей современности «отказаться от выражения «эдипов комплекс» —

неистощимого источника ошибок и недоразумений» [8, с. 246] — не находят отклика среди оглашенных приверженцев инокультурных стереотипов психотерапии.

Повальная увлеченность отечественных специалистов западными методами и техниками работы, которые диссонируют с особенностями менталитета обращающихся за психологической помощью, приводит, скорее, к переориентации более «успешных» передовиков на проведение обучающих тренингов для не столь «передовых» коллег, чем к улучшению реальной консультативной работы. Принципиально новое решение данной проблемы дает развитие системы оказания психологической помощи по вектору индигенизации, подразумевающему разработку эффективных культуросообразных методов, сочетающих в себе индигенное и универсальное. Попытки огульно приписывать детерминированным той или иной культурой методам статус безусловно универсальных, равно как и бездумное использование за пределами западной культуры, являются безосновательным эпигонством. Подлинная задача отечественной психологии — разработка культуросообразных методов, т.е. методов, открыто, а не гностическим способом признающих свою производность от той или иной ментальности и порожденной ею культуры, и именно в силу этого способных обогатить мировую психологическую практику обоснованным, а не произвольным арсеналом лечебного психологического воздействия и, следовательно, высоким потенциалом подлинной универсальности. Нам необходимы культуросообразные методы, восходящие к системе отечественных культурных норм, ценностей и духовных традиций, несущие при этом в себе ту всемирность и всечеловечность, о которых так хорошо писал Ф.М. Достоевский.

Одним из таких, культуросообразных, методов психологического консультирования может служить модальность «этический персонализм», главные концепты которой, отражающие психологическую реальность межличностных отношений и профессиональные действия психолога, — постановка психологического диагноза сложившейся ситуации, учет баланса жертвоприношения и самопожертвования, преодоление позиции жертвы путем переосмысления собственного жертвоприношения как дара и др.

Ниже приводятся результаты исследования, которые, возможно, послужат стимулом для дальнейшей профессиональной рефлексии в направлении развития культуросообразных методов консультирования.

Исследование тезауруса русской ментальности

С целью выявления тех основных понятий, в которых отражается и воплощается принципиальное отличие человека в соответствии с духом русского его понимания, мы прибегли к сочетанию метода контент-анализа (русских религиозных и философских текстов) с одновременным вычленением неких базисных семантических категорий, что позволяет формализовать содержание и таким образом осуществить сравнение различных дискурсов (текстов)*.

В попытках решить поставленную задачу нами было предпринято психосемантическое исследование обширного массива текстов, отражающих православную богословскую традицию (5-томник сочинений святых отцов, известный под названием «Добротолюбие», в частности труды Антония Великого, Макария Великого, Аввы Зосимы, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Григория Паламы, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Нила Синайского и Аввы Исайи), а также труды выдающихся представителей русской классической философии (Г. С. Сковороды, П. Д. Юркевича, К. Н. Леонтьева, П. А. Кропоткина, Н. Я. Данилевского, П. А. Флоренского, Н. О. Лосского, Н. Ф. Федорова, В. В. Розанова, Ф. А. Степуна и др.) — объем выборки составил около миллиона слов (942236).

* Контент-анализ текстов осуществлялся с помощью компьютерной экспертной психолингвистической системы ВААЛ, модуля контент-анализа для русского языка.

Вышеуказанные тексты были проанализированы по таким параметрам контент-анализа: число лексем в тексте, лексическое разнообразие (соотношение количества лексем и общего количества слов), средняя длина слова, средняя длина предложения, грамматическая сложность текста (соотношение числа знаков препинания внутри предложения и количества предложений), наиболее частотные слова, ключевые слова и словосочетания, эмоционально-лексические оценки текстов; группы лексических категорий «потребности», «мотивы», «ценности», «валентность», «акцентуации», «репрезентативные системы», «виды деятельности», «формы предъявления информации», «логика изложения событий», «центр внимания»; а также лексические категории, выделенные на основе семантического содержания исследуемых текстов (такие, как «душа», «бог», «жизнь», «любовь» и др.).

Собственно говоря, выделение глубинных семантических структур на основе их частотных связей в рамках текста и составляет метод тезауруса. Ведь тезаурус, как отмечает В. Ф. Петренко, «представляет собой сеть ключевых понятий, объединенных связками, фиксирующими содержательные (семантические) связи» [12, с. 69].

Выделение базисных категорий в текстах византийских богословов, определивших аксиологическое содержание русской религиозной культуры, позволило конституировать преобладание следующих ценностных категорий: Бог, Господь, душа, сердце, дух, ум, тело, жизнь, смирение, страсть, грех, святость, молитва, доброта, правда, любовь, познание, свет, духовность, человек, истина, радость.

В трудах представителей классической русской философии наряду с указанными категориями наиболее частотны: бытие, личность, народ, Русь, Россия, общество, идея, свобода, деятельность, государство, славянство, религия, христианство, мир, культура, наука.

Категории, общие для эти двух разновидностей текстов, следующие: разум, мораль, жизнь, любовь, душа и дух, синтезированные в базисных словосочетаниях «умная душа», «этическая (нравственная) ценность», которые в единстве и приводят человека к спасению, а человечество — к развитию. Обращает на себя внимание тот факт, что семантика философских текстов продолжает заданную семантику религиозных, просто распространяя ее на социум.

При этом базисные понятия «жизнь», «дух», «душа», «радость» выступают как этические ценности, сопрягающиеся с понятиями «любовь», «свет» и «Бог». Что касается категории «духовность», она, несомненно, является центральной этической ценностью. Ценностью, в которой человек испытывает истинную внутреннюю потребность и которая является сущностной чертой человека.

Поразительны при этом и эмоционально-лексические параллели в оценке текстов византийских богословов и русских философов. Так, на базисном лексическом уровне, т.е. на уровне аксиоматических понятий, проанализированные тексты характеризуются следующими свойствами: доброжелательность, интеллектуальность, правдивость, самоконтроль, независимость, экстраверсия, утонченность и необычность.

Факторизация методом главных компонент массива проанализированных философских текстов показала, что совокупность факторов, охватывающих 67,5% дисперсии, отражает следующие детерминанты русского богословского дискурса: «логичность и последовательность» (главный фактор), «безнравственность и нравственность личностного бытия» (второй частный фактор), «власть любви как независимость от недоброжелательности» (третий частный фактор) и «познание как высшая ценность деятельности» (четвертый частный фактор).

Факторизация массива богословских текстов позволила вычленив такие четыре главных фактора: «доброжелательная интеллектуальность и правдивость» (главный фактор), «власть молитвы как этической ценности» (второй главный фактор), «греховность человеческой души» (третий частный фактор), «святость как сложность для изложения» (четвертый частный фактор) (факторы охватывают 74,5% дисперсии).

Совокупная факторизация всего массива текстов, воплощающих в себе русскую ментальность, позволила выделить четыре независимых фактора, описывающих 66,5% всей дисперсии: «логическая последовательность» (главный фактор), «ценность познания как деятельности, власти и независимости» (второй частный фактор), «безусловная нравственная ценность любви» (третий частный фактор) и «долг как божественная сущность человека» (четвертый частный фактор).

Уже предварительные итоги этого исследования позволяют сделать ориентировочные предположения, касающиеся специфики именно русских религиозных и философских подходов к трактовке человека и человеческого назначения в мире, во главу которых выносятся прежде всего не гносеологические (в отличие от западной традиции), а онтологические и аксиологические понятия. Говоря языком современной фундаментальной науки, русская философская традиция в трактовке человека отдает предпочтение не «гнозису», а «ноэзису», т.е., по В. И. Вернадскому, процессам, соответствующим не эмпирическим, а универсальным принципам познания и бытия Вселенной. Иными словами, принципиальная идея сущности человека и человечества постулируется не на основе только констатирующего познания, а на основе выстраивания ноэтического постижения жизни, в которой познание ведет к созиданию новых форм бытия.

Безусловно, очень сложно передать многообразнейшие связи и тонкости богатства всей семантической структуры, в которой воплощена ментальность русского этноса. Однако очевидным является факт, что ключевые дескрипторы этой социокультурной галактики совершенно незнакомы нашим психологам. И вот они (мы) наивно пытаются ввести принципы протестантского релятивизма в абсолютистскую ткань русского, этического по своей сути сознания. Пытаются либо подменить безусловную по природе ценность любви как атрибута жизни «умного тела», трансцендирующего себя в жизнь социума через воплощаемые в нем ценностные смыслы, редуционистским и глубоко неверным приписыванием определяющей роли сексуальности либо пресловутой роли личной (индивидуалистической в сущности) «свободы», не замечая или не понимая главного: тем самым мы лишаем наш собственный социум, русских людей, наших пациентов возможности истинного проживания собственного бытия, предлагая им путь заимствованной жизни, в которой остаются неназванными ключевые детерминанты ее смыслового содержания.

Полученные данные, на наш взгляд, позволяют внести некоторые коррективы в теорию и практику консультативной работы практикующего психолога, работающего с представителями византийского православного ареала восточнославянской культуры. Мы утверждаем: нередуцируемые социокультурные свойства русского человека и являются подлинным содержанием и предметом отечественных традиций и перспектив во внемедицинской психотерапии. Средоточием консультативной и психотерапевтической работы, следовательно, выступает главная цель, вытекающая из русской антропологии, — восстановление и укрепление личностного достоинства человека. Совершенно очевидно, что непосредственно это сделать невозможно по причине измененного психогенией эмоционального состояния. Следовательно, первоочередной задачей выступает задача восстановления душевного равновесия. Затем — восстановление личностного достоинства. И как венец консультативной и психотерапевтической работы — процессы совершенствования этического ядра личности. Для краткости мы именуем эту триединую задачу задачей трех «Р»: ревитализация, ревальвация, реконструкция личностного «Я». А психотерапевтическая традиция, обязанным своим возникновением русской философской антропологии, является не чем иным, как этическим персонализмом, поскольку русской культуре свойственно именно стремление к нравственному совершенствованию. В то время как, скажем, иудейской — стремление к совершенствованию интеллектуальному. По крайней мере, именно так писал еще в XII веке Моисей Маймонид (Рамбам), почитаемый евреями

как второй Моисей [20, с. 499]. Русский человек является носителем не протестантской нормы вседозволенности, не иудейской нормы запрета, не исламской нормы покорности, а восточнохристианской нормы благословенного действия, действия, санкционированного с позиции абсолютного блага, абсолютного добра.

Вскрытие ценностно-смыслового конфликта, в основе которого, как правило, находятся переживания, связанные либо с добровольным самопожертвованием, либо с осмыслением жертвоприношения со стороны других в отношении тебя самого, что, собственно, и вызывает этический диссонанс, и есть сердцевина русской психологии и русского этического персонализма. Таким образом, хотя сам термин «этический персонализм» принадлежит Максу Шелеру, непосредственно психологическое содержание той феноменологии, которую мы описываем данным термином, вполне отражает специфику русской ментальности, проявляющейся в таких особенностях высокой русской культуры, как потребность постигать, переживать и утверждать нравственные формы жизни как абсолютные ценности бытия, которым атрибутируется достоинство высших смыслов.

Полученные результаты свидетельствуют: во-первых, русский человек вовсе не настолько иррационален, как это принято считать в искусственно поддерживаемых мифах. Несомненную опасность для русского сознания представляют навязываемые нам ценности личной выгоды и успеха, принятые в чуждой нам коммерциализированной логике искупления грехов путем покупки индульгенций или достижения богоугодности благодаря собственному материальному благосостоянию.

Во-вторых, архетипичной чертой русской ментальности является все же, скорее всего, *созерцательность*, а не практицизм, поскольку категории деятельности, власти и независимости объединены в конструкт с ценностью познания.

В-третьих, для нас именно *любовь* представляет абсолютную и высшую нравственную ценность. А свобода, говоря словами А. А. Ухтомского, дается только там, где есть дары Духа Святого. В то время как, например, в популяризируемом сегодня ноахизме с его попытками введения «универсальной этики», по глубокому замечанию О. Н. Четвериковой, «есть вера в единого для всех Бога (при этом у каждого свое собственное его понимание), есть запреты, есть суд, но нет христианской заповеди любви, раскрывающей в человеке личность» [19, с. 216]. При этом сущностью человека в русском понимании, божественной, т.е. высшей мыслимой сущностью, является *долг*. Невозможно не отметить в этой связи, насколько явственно в этом моменте наблюдается совпадение в трактовке, скажем, М. Аптером, автором теории реверсивности психики, свободы как негативистского состояния, а долженствования — как состояния конструктивного и, в его американизированной терминологии, — конформистского. А в нашей, русской терминологии — коллективистского [24]. Именно эти, нередуцируемые социокультурные свойства русского человека и являются подлинным содержанием и предметом отечественных традиций и перспектив во внемедицинской психотерапии. Другое дело, что высокая русская культура в XX веке была разрушена. Русские люди сплошь и рядом ощущают себя духовными сиротами. В связи с инфицированием хамством, этой мнимой духовной панацеей плебса, возвращение русскому человеку исконного чувства собственного достоинства, пробуждение которого и лечит человеческую душу, — самое целебное средство. К сожалению, только крайняя, пограничная ситуация выступает необходимым условием для этого пробуждения. Именно в условиях крайней, пограничной ситуации, на антропологической границе человеческого и нечеловеческого, русская психология противостоит западной трансгрессии, в которой, по выражению С. С. Хоружего, «преступление как таковое возводится в фундаментальную антропологическую установку» [18]. Осмысление собственной принадлежности к родной культуре и вытекающих из этой культуры способов действия представляется нам первоочередной задачей профессионального воспитания и обучения отечественных психологов-практиков.

Исходные пресуппозиции метода консультирования, сообразного русской ментальности

Как свидетельствуют наши исследования, люди обращаются к психологу-консультанту во вполне определенном типе ситуаций: в ситуации виктимизации личностного «Я». Если ситуация есть вещественное событие, производное от обстоятельств, то психологическим следствием проживания человеком ситуации выступают собственно психологические события — переживания, связанные с попытками изменить, преодолеть возникшую ситуацию или адаптироваться к ней [1]. Первоначальный целостный компонент, с которым консультирующим психологам при этом приходится иметь дело, — психоэмоциональное состояние человека, данное ему в переживании. Психоэмоциональное состояние — предпосылка и вместе с тем исходное условие развертывания психического бытия как такового — от самоощущения психофизиологического состояния организма ко все более высоким и значимым отражениям уже личностного бытия. Для нас важным является то, что психофизиологическое состояние, данное в переживаниях, представлено и выражается человеком посредством семантики и представлений **образа**. Мы утверждаем: первоначальным объектом приложения усилий психолога становится трихотомия: **образ — состояние — организм**.

Чтобы исходное переживание как переживание бытия своего «Я» могло развернуться и трансформироваться в собственно личностные проявления, необходимы социальные направляющие, посредством которых в первом приближении осмысливается и выражается переживание. Это — нормы, социальные установки, типичные каузальные атрибуции и ценностно-смысловые ориентации, предъявляемые человеком как социальным индивидом. Иными словами, совокупность идеологем, явленных в виде последовательности или даже системы конструкторов. На этом уровне функционирования индивидуального сознания психолог имеет дело с социальным индивидом, предъявляющим свою картину миру (систему идеологем), преломленную через призму собственной личностной типологии. Это трихотомия: **идеологема — конструктор — акцентуация**.

Наконец, собственно личностный уровень «Я» предполагает предъявление неповторимых персонализированных смыслов и отношений, которые и составляют идеогенез данной личности в ее попытках и стратегиях осмысления мира и себя в нем. Переживание бытия своего «Я» как бытия, равновеликого бытию мира, образует квинтэссенцию смыслов «Я», а способность воплотить эти смыслы в жизнь и есть субъектность как таковая.

Следует подчеркнуть при этом, что в высокой русской культуре сущностные проявления субъектности по своей сути представляют собой этическое измерение личностного бытия, поскольку сами по себе практические, гностические или эстетические действия, лишённые качества добродетели, не соответствуют русской ментальности. На этом, высшем, уровне личностного «Я» психолог имеет дело с трихотомией: **отношение — смысл — замысел/идея**. Иными словами, это отправные моменты самоопределения человека в ситуации, хронотопе, жизни.

Итак, в качестве онтологической предпосылки проявления переживания-состояния выступает совокупность обстоятельств, приводящая к событию, т.е. к изменению status quo некой реальности, будь то психосоциальной, и тогда это — ситуация, или ментальной, и тогда это — психоэмоциональное состояние. Этический персонализм — метод, предназначенный для психологического консультирования в ситуации травматических межличностных отношений, в которой у человека возникает этический диссонанс, т. е. конфликт собственных представлений о добре и зле в отношениях и поведении с реальной их практикой, как она на самом деле сложилась. Если ситуация есть реальное событие, данное в обстоятельствах, то переживание психоэмоционального состояния есть ментальное событие, данное в этическом диссонансе и влекущее за собой изменение личностной позиции, чаще всего

проявляющейся в утрате субъектности (позиция «жертвы»). Собственно, из этих двух возможных пресуппозиций и возникает насущная необходимость в психологической помощи — начиная с восстановления душевного равновесия, продолжая восстановлением личностного достоинства (преодоление личностной позиции «жертвы») и вплоть до развития и совершенствования этического ядра личностного «Я». Эти три процесса в этическом персонализме и охватывают весь процесс восстановления субъектности «Я».

К психологу обращается человек страдающий. Страдание проявляется в жалобах, выступающих внешней, обращенной вовне формой страдания. В свою очередь, жалобы могут иметь два принципиально направленных вектора: жалобы на состояние и жалобы на отношения. Легко видеть, что даже если эти жалобы совмещаются, они включают в себя два из рассмотренных выше уровней проявлений «Я». Третий уровень, уровень рефлексии субъектности «Я», возникает лишь в процессе и итоге предварительной консультативной и дальнейшей психотерапевтической работы.

Первая и основная задача психолога при обращении к нему страждущего — задача ориентировочная: установить хотя бы в первом приближении причины страдания, проявляющиеся в жалобах, их этиологию — психогенную, органическую, биохимическую или смешанную.

Во всех случаях, кроме сугубо психогенных причин, психолог не может выступать главным актором психотерапии, ограничиваясь вначале консультационной (направление к соответствующему специалисту), а затем, если возникнет необходимость, консультативной и тренинговой помощью. Последняя может оказаться полезной в ситуациях необходимости обеспечить эмоциональное отреагирование, переобучение и т.п.

Напомним вначале принципиальную схему консультативной работы в ее универсальном применении. Прежде всего необходимо установить контакт со страждущим. Установление контакта — неременное условие для решения главной профессионально значимой задачи первого этапа работы: первичной ориентировки в жалобах и общей психосоциальной ситуации страждущего. Здесь после общих вопросов, относящихся к прояснению психологического и социального статуса пациента (возраст, образование, семейное положение, анамнез жизни и т.п.), психолог задает примерно такие принципиально важные вопросы.

1. Как вам кажется, что вас беспокоит? — вопрос на образ ситуации и предъявление жалобы.
2. Из-за чего у вас болит душа? — вопрос на уточнение понимаемой и предъявляемой причины страданий.
3. Как долго это с вами? — вопрос на ориентировку в ситуации страдания.

ПРИМЕР ИЗ ПРАКТИКИ

Психолог (после уточнения психологического и социального статуса страждущего и вопросов, относящихся к анамнезу жизни): Как вам кажется, что вас беспокоит?

Страждущая: Я не знаю, как мне жить после измены мужа. Я вообще жить не хочу.

Пс.: Здесь очень важно, жизненно важно понять, из-за чего у вас болит душа — из-за предательства, из-за угрозы распада семьи, из-за ощущения утраты доверия...

Стржд.: Из-за невыносимого унижения! Он меня, любовь мою, доверие мое просто растоптал! (плачет).

Пс.: Когда все это случилось? Как долго это с вами?

Стржд.: Я что-то такое чувствовала уже некоторое время, а позавчера эта женщина позвонила мне и попросила его отпустить...

Итак, первый этап — подготовительный. Этот, неспецифический, этап предназначен для первичной ориентировки в жалобах и общей психосоциальной ситуации страждущего, для установления надлежащего уровня доверия, для подготовки пациента к ситуации личностной и отношенческой диагностики. Второй этап в этическом персонализме выступает уже со своим специфическим содержанием.

Второй этап работы — диагностический. Принципиально важно, чтобы этот этап осуществлял коллега — ассистент, ко-терапевт, т.е. другой психолог, функция которого — снятие возможного переноса, излишней привязки к фигуре консультанта и обеспечение отстраненной обратной связи в психологической диагностике — ситуации, состояния и личности пациента. Общее назначение личностной и отношенческой диагностики — объективировать состояния, личностные особенности и стратегии межличностных отношений в конкретной травматической ситуации. Речь идет именно об экспресс-диагностике.

Применяемые здесь диагностические методики могут включать в себя широко известный в быстрой диагностике инструментарий: проективные тесты (метод цветовых выборов М. Люшера, психографический тест А. В. Либина), а также отдельные шкалы из личностного опросника Р. Кетелла, в частности шкалу, отражающую фактор «В», СМИЛ в редакции Ф. Б. Березина или Л. Н. Собчик либо сокращенный вариант последнего, известный как методика «Мини-мульти», т.е. набор методик, обеспечивающих экспресс-диагностику личности и ее состояний. Но особую значимость, на наш взгляд, имеет разработанная нами методика оценки и прогнозирования психологического развития ситуаций межличностного взаимодействия, которая предназначена для идентификации фигуры «жертвы» и наличия самого акта «жертвоприношения», пусть понимаемого и символически, но отнюдь не менее травматичного по своей сути [1, с. 344–356]. Сущность данной диагностической методики заключается в том, что она позволяет распознать онтологические основания межличностного конфликта путем переопределения его сторон как соотносящихся с библейскими персонажами Авеля и Каина. Собственно, оказавшись в этом, условно говоря, психологическом капкане и отрефлексировав, кто на самом деле является выгодополучателем, а кто жертвой в сложившихся отношениях, пациент обретает нравственную опору в виде стенизирующей, возвышающей человека мотивации к преодолению позиции жертвы на пути восстановления собственного личностного достоинства.

Предложенный инструментарий позволяет сориентироваться в эмоциональном состоянии, интеллектуальном статусе и личностных особенностях страждущего, что дает возможность выстроить адекватную данной ситуации и личности стратегию консультативной работы.

Типичные исходы второго этапа работы: опираясь на результаты диагностики, консультирующий психолог завершает ориентировочно-диагностический этап работы клинически ориентированной беседой, в которой обсуждаются полученные данные, уточняется отношение страждущего к ним и определяется собственно предмет психологической работы или иные направления и задачи в сложившейся ситуации.

Наиболее вероятные варианты развертывания событий после этапа экспресс-диагностики суть следующие.

1) Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны данной травматической ситуации, психоэмоциональное состояние страждущего (общий стресс, тревожность, сниженное настроение, фрустрация, агедония и т.п.) и личностная акцентуация не превышают пределов, требующих срочного либо непременно врачебного вмешательства, основное травматическое переживание относится к психогении, индуцированной травмой межличностных отношений.

2) Жалобы и причина обращения за психологической помощью не когерентны. Например, предъявляемая жалоба звучит как обвинение супруга в измене, но степень личностной акцентуации, уровень шкалы по фактору «В» в тесте Кетелла, личностный профиль в целом по тесту «Мини-мульти» и неспособность выполнить психографический тест, равно как и клинически ориентированная беседа, заставляют предположить, что речь идет о бреде отношений.

3) Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны ситуации. Однако в процессе диагностики и клинически ориентированной беседы выясняется, что речь идет не столько о самом человеке, который обратился за помощью, сколько о том, по поводу которого обратились за помощью, поскольку именно тот, другой, создал конкретную травматичную ситуацию, и очевидно, что ни психоэмоциональное состояние обратившегося за помощью, ни его интеллектуальный уровень, ни степень личностной акцентуации не искажают представленную картину. Так что речь должна идти в первую очередь о работе именно с тем, другим человеком, по поводу которого и обратились к психологу.

Как явствует из вышеизложенного, непосредственная ситуация приложения усилий именно психолога-консультанта — это первый из возможных исходов. Во втором случае возникает необходимость направления страждущего к психиатру (или в необходимых случаях — к врачам иных специальностей), что также требует необходимой в таких случаях квалификации и компетенций, иначе можно травмировать человека или, еще хуже, способствовать его инвалидизации. В третьем из типичных исходов необходимы усилия для выстраивания ситуации психологической помощи, поскольку она лишь обозначена, но не проявлена.

Так что в качестве готовых для консультативной работы уже с первой встречи могут рассматриваться лишь ситуации первого типа.

Именно для такого, по прямому назначению, типа консультативных ситуаций и разработан нами протокол консультативной работы в модальности этического персонализма. Основные его этапы описываются следующим алгоритмом:

1. Перевести жалобы в конкретный вопрос-пожелание, требующий ответа **«да—нет»**.
2. Уточнить, кто реально может помочь добиться желаемого и в чем состоят основные ценностные смыслы страждущего (ради кого).
3. Найти изначальную ошибку в прежнем поведении, приведшую в психологический капкан «Авель — Каин».
4. Уточнить, чье неверное благословение на ошибочное действие (или отсутствие чьего истинного благословения) привело к трагическому итогу во взаимоотношениях.
5. Обсудить, из-за каких конкретных неверных действий сложилась данная (конкретная) неблагоприятная ситуация.
6. Проанализировать все возможные альтернативы развития ситуации, используя шкалу абсолютных этических ценностей (от абсолютного Добра до абсолютного Зла).
7. Идентифицировать референтную для страждущего Фигуру — носителя абсолютной ценности Добра — применительно к данной ситуации.
8. Испросить благословения на ответственный поступок (по перемене личностной позиции, стратегии поведения) у образа референтной фигуры.
9. Согласовать лечебные (психотерапевтические) мероприятия стратегии поведения у образа референтной Фигуры.
10. Получить благословение на принимаемое решение и образ действий.
11. Обсудить наиболее приемлемую стратегию и тактику психотерапии, в том числе и целесообразность сочетанной психофармакотерапии с привлечением врача (невролога, психиатра или клинициста другой специальности, из терапевтов — чаще всего эндокринолога или гастроэнтеролога).

Как свидетельствует опыт нашей работы, данный алгоритм позволяет в значительной степени упорядочить, структурировать и сделать весьма эффективной работу консультирующего психолога, в особенности с нашими соотечественниками, которые не привыкли к долгим и регулярным посещениям психологов, у которых психотерапия не призвана подменять собою жизнь, сомнительную заслугу чего легко можно приписать психоанализу, а также если учесть тот факт, что достаточно сомнительное в своих исходных установках антипсихиатрическое движение не успело подорвать доверие и к нашим психологам в столь же значительной степени, в какой оно подорвало доверие к предельно коммерциализованным западным или вестернизированным отечественным специалистам. Таким образом, именно культуросообразное психологическое консультирование и психотерапия представляются нам магистральным путем развития отечественных традиций психологической помощи.

Литература

1. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия: сб. научных статей. – Киев: Кафедра, 2012. – 416 с.
2. Бондаренко А.Ф. Этический персонализм. Методическое пособие по психологическому консультированию, сообразному русской культуре. – Киев: Альфа Реклама, 2014. – 100 с.
3. Бондаренко А.Ф., Федько С.Л. Тенденции индигенизации и их осмысление в современной консультативной психологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2014. – N 5(28) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mprj.ru>
4. Бурно М.Е. Клиническая психотерапия. – М.: Академический Проект, ОППЛ, 2000. – 719 с.
5. Венгер А.Б. Психотерапия: западная теория и российская практика // Московский психотерапевтический журнал. – 2004. – № 1. – С. 5–17.
6. Воробьева Л.И. Предисловие редактора // Гуманитарные исследования в психотерапии: труды по психотерапии и психологическому консультированию / под общ. ред. Ф.Е. Василюка. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2007. – Вып. 1.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / сост. и ком. Ю.А. Белова / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
8. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с франц. Г. Дашевского. – 2-е изд., испр. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.
9. Латыпов И.В. Культурно-историческая психотерапия: В поиске своей ниши // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2012. – № 3. – С. 20–28.
10. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический проект, 2005. – 622 с.
11. Мартинсоне К.Э., Карпова А.К. Интерпретация психологии в социокультурных взаимосвязях // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, Вып. 1. – С. 28–40.
12. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Смоленск: СГУ, 1997. – 400 с.
13. Сухарев А.В. Культурно-психологические основания этнофункциональной психотерапии // Гуманитарные исследования в психотерапии: труды по психотерапии и психологическому консультированию / под общ. ред. Ф.Е. Василюка. – М.: ПИ РАО; МГППУ, 2007. – Вып. 1. – С. 204–228.
14. Тойнби А. Постижение истории. – М.: Айрис Пресс, 2006.

15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
16. Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. – СПб.: Петерб. писатель, 1996. – 528 с.
17. Фанталова Е.Б. «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием // Журнал практикующего психолога. – 2003. – Вып. 9. – С. 11–16.
18. Хоружий С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергичной антропологии. Выступление на научном семинаре философского факультета Новгородского государственного университета в апреле 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/sovremennaya-antropologicheskaya-situaciya-v-svete-sinergijnoj-antropologii-read-204277-2.html>
19. Четверикова О.Н. Измена в Ватикане, или заговор пап против христианства. – М.: Эксмо, 2011. – 240 с.
20. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Римис, 2008. – 576 с.
21. Adair J.G. Indigenisation of Psychology: The Concept and its Practical Implementation // Applied Psychology: an International Review. – 1999. – № 48(4). – P. 403–418.
22. Ahluwalia M.K., Zaman N. Counseling Muslims and Sikhs in a Post-9/11 World // Handbook of Multicultural Counseling. 3rd edition / J.G. Ponterotto, M.J. Casas, L.A. Suzuki, Ch.M. Alexander. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. – 2010. – P. 467–478.
23. Allwood C.M., Berry J.W. Origins and development of indigenous psychologies: An international analysis // International Journal of Psychology. – 2006. – № 41. – P. 243–268.
24. Apter M.J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. – L., N. Y.: Academic Press, 1982. – 378 p.
25. Bernal G., Sáez-Santiago E. Culturally-centered Psychosocial Interventions // Journal of Community Psychology. – 2006. – Available at: http://www.academia.edu/2632560/Culturally_centered_psychosocial_interventions (Accessed: 11 September 2013).
26. Caas J.M., Park Y.S., Cho B. The Multicultural and Internationalization Counseling Psychology Movement // Handbook of Multicultural Counseling / Ed. by J.G. Ponterotto, J.M. Caas, L.A. Suzuki, Ch.M. Alexander. – SAGE Publications, Inc., 2010. – P. 189–200.
27. Cross-Cultural Counseling: History, Challenges, and Rationale / L.H. Gerstein, P.P. Heppner, S. Ægisdottir [et al.] // Essentials of Cross-Cultural Counseling / Ed. by L.H. Gerstein, P.P. Heppner, S. Ægisdottir, S-M.A. Leung, K.L. Northworthy. – SAGE Publications, Inc., 2012. – P. 1–47.
28. Henriksen R.C., Jr., Trusty J. Ethics and values as major factors related to multicultural aspects of counselor preparation // Counseling and Values. – 2005. – Vol. 49, № 3. – P. 180–192.
29. Jim J., Pistrang N. Culture and the therapeutic relationship: perspectives from Chinese clients // Psychotherapy Research. – 2007. – № 17(4). – P. 461–473.
30. Yan M.C., Lam C.M. Repositioning Cross-cultural Counseling in a Multicultural Society // International Social Work. – 2000. – № 43(4). – P. 481–493.
31. Yang K.-Sh. Indigenous Psychology, Westernized Psychology, and Indigenized Psychology: A Non-Western Psychologist's View // Chang Gung Journal of Humanities and Social Sciences. – 2012. – № 5(1) – P. 1–32.
32. Young R.A., Nicol J.J. Counseling Psychology in Canada: Advancing Psychology for All // Applied Psychology: An International Review. – 2007. – № 56(1). – P. 20–32.

Ethical Personalism: Culturally-Oriented tradition in Psychological Counselling

Bondarenko A.F.

Bondarenko Aleksandr Fedorovich

Doctor of Psychology, Professor, Chief of the Department of Psychology; Kiev State Linguistic University, Bol'shaya Vasil'kovskaya st., 73, Kiev, 03680, Ukraine. Phone: +380 (44) 287-33-72.

E-mail: albond@ukrpack.net

Abstract. The counselling psychologist works primarily with the relationships and the emotional states that are induced by the traumatic relationships. The patient's actions which are derived from the value-semantic structure of his personal "Self" and from the ethical system that is carried by "Self" are the determining causes of the psychological trauma. The original presuppositions of the proposed method are: the understanding of the specificity of sacrifice and self-sacrifice in the relationships, the correction of the wrong blessing, the awareness about the fact, that the person is capable of transcending beyond the visible frame of the situation in the other senses. The principal points are following: the processes of revitalization (returning to life), revaluation (caring about the true sense and values) and reconstruction (restoration of the self-esteem). This counselling method is called Ethical Personalism. The cornerstones of the Russian Orthodox culture: the refusal of sacrifice, the needs of blessing, the absence of the castration complex and the Oedipus complex are emphasised. The Ethical Personalism not is a specific method for counselling Russian people, as well as Positive psychotherapy is not intended only for the Iranians or Baha'is, Psychoanalysis is not a specific tool for work with Jews or Catholics, Holotropic Breathwork — with the Hindus, and Jungian therapy — with the Germans. It is certainly universal, since it is based on the recognition of the ban on sacrifice in the relationships as the sacred foundation of true humaneness. Moreover, the term "Ethical Personalism" belongs to the German philosopher Max Scheler. Ethical Personalism provides more in-depth, human, essential understanding of what is going on within the interpersonal relationships than the methods and techniques which go back to Judaized or others religious systems.

Key words: counseling; Ethical Personalism; humaneness; mutual contribution to the relationships; mentality; culturally-oriented method.

Bibliographic reference

Bondarenko A.F. Ethical Personalism: Culturally-Oriented tradition in Psychological Counselling. *Med. psihol. Ross.*, 2015, no. 2(31), p. 3 [in Russian, in English]. Available at: <http://mprj.ru>

Received: February 2, 2015

Accepted: February 16, 2015

Publisher: March 1, 2015

The Problem formulation

Our initial point is following: the psychological support is carried out by professionals within a specific socio-cultural context, consciously or unconsciously reproduced and translated by psychologist / psychotherapist. Almost any of the modern approaches of psychological counseling and psychotherapy explicitly or implicitly contains in its basis certain philosophical, methodological and even religious tradition. No wonder, that C. Jung once characterized the religion as the ancient form of psychotherapy. It is not difficult to trace the origins of the major psychotherapeutic paradigms [1; 3; 4; 5; 7; 9; 13; 14; 15; 17; 21; 22; 23; 24; 25; 27].

The foreign psychotherapeutic methods are widely used in native psychological practice. Most of them were created on the background of the Anglo-Saxon culture (except for the psychodynamic paradigm). Most of these approaches, concepts and therapeutic methods are based on such values of American society as individualistic orientation, the ideal of an "open" dialogue, atheistic or, conversely, sharply clerical attitude to the religious consciousness, the Protestant religious tradition with its cult of "success". All this orientations are strange for East Slavic cultural area [2; 5; 9]. Thus, the direct transfer of foreign psychotherapeutic methods in our psychological practice without proper understanding is

essentially the imposition of alien values in the structure of the Russian mentality. In other words, it is a peculiar form of indoctrination of myths, concepts, ideology, which at best can cause the discomfort in the psychotherapeutic interaction, and at worst — reformat personality-semantic structure of consciousness, undermining the system of personal spiritual values. However, there are many articles that interpret and reinterpret the nuances of what is going on in psychological counseling and psychotherapy from the standpoint of classical and non-classical Freudism, Rogerian psychotherapeutic model, Gestalt therapy, etc. in the current psychological periodicals. Their authors tend to evade the substantive issues, such as: to what extent the original submission, concepts and methods of action are referenced or justified; to what extent the conceptual apparatus is applicable to the etiology and pathogenesis of suffering, its psycho-social and personal determination, chronobiological rhythms, limits, and so on; how effective one or another method can be in getting rid of sufferings, adaptation or overcoming them. In fact, even the purposes of psychotherapy, as far as we know, have not been problematized, being committed in the traditional ideology of psychodynamic or humanistic approaches. Thus, according to S. Freud, the goal of therapy is to provide "lieben und arbeiten" for the person; according to C. Rogers — turn him into "a fully functioning person" and according to A. Maslow — give the opportunity for full self-realization. No matter how funny it may seem, but there is a simple question — if the goals of psychotherapy for American communities are clearly formulated, does that mean that they should be the same for Russian, Chinese or Japanese, German — still remains open. Would it not be better to derive the purposes of psychotherapy essentially from the basis of a particular culture, traditions, ideology, or at least take into consideration the person's cultural identity? Moreover, the problem of indigenization that implies the searching for the culturally-oriented approaches in psychological counselling and psychotherapy arised in the world counseling practice in the last decade [9; 22; 23; 26; 28; 29; 30; 31; 32]. Actually cultural affiliation provides a number of specific characteristics of human being, which are manifested in higher mental functioning, and, in fact, define the possibility or the inability of the application of one or the other therapeutic approach, working with certain category of patients/clients. It seems that the proselytes of "progressivism" are not aware of the real underpinnings of various ideological trends. Even the direct appeals of prominent thinkers to refuse the phrase "The Oedipus complex" — an inexhaustible source of errors and misunderstandings" [8, p. 246] — do not find the response among the followers of alien psychotherapy trends.

The native professionals' craze for Western methods and technics, which discord with mentality of person, who is seeking for psychological help, does not result in real counselling work improvement. A fundamentally a new solution of this problem gives the development of psychological counselling according to the indigenization trend, that involves the development of effective culturally-oriented methods, which combine indigenous and universal components. So, the blanket attempts to attribute the status of universal for the culturally-determined methods, as well as their thoughtless application outside the Western culture are nothing more than a groundless epigonism. The real challenge of native psychology is to develop the culture-specific methods capable to enrich the world psychological practice with more subtle and targeted means, carrying a high potential of true (not imposed!) universality. We need the culturally-oriented methods which are dating back to the system native cultural norms, values, and spiritual traditions, supporting the Universal Humaneness that was so well described in the works by F.M. Dostoevsky.

The "Ethical Personalism" refers to such culturally-oriented methods. The modality of Ethical Personalism reflects the psychological reality of interpersonal relationships and psychologist's professional actions: the psychological diagnosis of the situation, the balance of sacrifice and self-sacrifice, the overcoming of the victim position by rethinking of self-sacrifice as a gift, etc.

The results of the study, which may serve as a stimulus for further reflection in the direction of culturally-oriented counselling methods, are following.

The Russian Mentality Thesaurus

In order to identify the basic concepts, which reflect the fundamental difference of a Russian person, we combined the method of content analysis (Russian religious and philosophical texts) and the identification of some basic semantic categories, which allows to formalize the content and thus carry out a comparison of different discourses (texts) **.

In an attempt to solve the problem, the psychosemantic research the vast array of texts reflecting Orthodox theological tradition was carried out. These include: five-volume edition of the works of the Fathers, known as "Philokalia", in particular the works of Anthony the Great, Macarius the Great, Abba Zosimas, John of the Ladder, Gregory of Sinai, Gregory Palamas, Callistus and Ignatius of Xanthopoulos, Neil Sinaiticus, Abba Isaiah; and the works of outstanding representatives of the Russian classical philosophy (G.S. Skovoroda, P.D. Yurkevich, K.N. Leontiev, P.A. Kropotkin, H. Danilevsky, P.A. Florenskiy, N.O. Lossky, N.F. Fedorov, V.V. Rozanov, F.A. Stepun etc.) — the sample size was about a million words (942,236).

The above texts were analyzed by the following content analysis parameters: the number of tokens in the text, the lexical diversity (the ratio of tokens and the total number of words), average word length, average sentence length, grammatical complexity of the text (the ratio of punctuation within the sentence and the number of sentences) the most frequent words, keywords and phrases, emotional and lexical evaluation of the texts; the groups of lexical categories: "needs", "motivation", "value", "valence", "accentuation", "representative system", "activities", "form of presentation", "logic of presentation", "focus"; as well as lexical categories selected on the basis of the semantic content of the studied texts (such as "Soul", "God", "Life", "Love", etc.).

In fact, the method of thesaurus consists in the allocation of deep semantic structures on the basis of their frequencies within the text. As V.F. Petrenko notes: "The thesaurus is a network of key concepts which are combined by ligaments fixing the meaningful (semantic) connection" [12, p. 69].

The allocation of basic categories in the texts of the Byzantine theologians, which determined the axiological content of Russian religious culture have shown the prevalence of the following value categories: God, Lord, Soul, Heart, Spirit, Mind, Body, Life, Humility, Passion, Sin, Holiness, Prayer, Kindness, Truth, Love, Knowledge, Light, Spirituality, People, Truth and Joy.

In the writings of classical Russian philosophers, along with the above-mentioned, the most frequent are: Being, Person, People, The Rus', Russia, Community, Idea, Freedom, Activity, State, the Slavs, Religion, Christianity, Peace, Culture, Science.

The categories that are common for these two types of the texts are: Mind, Morality, Life, love, Soul and Spirit. They are synthesized in basic phrases "clever soul", "ethical (moral) value", which in unity lead the man to salvation and the humanity — to development. The special attention is drawn to the fact that the semantics of philosophical texts continues the semantics of religious texts, simply spreading it on the society.

It is noteworthy, that the basic concept of "Life", "Spirit", "Soul" and "Joy" act as ethical values, matching with the concepts of "Love", "Light" and "God". Regarding the category of "*Spirituality*", it is certainly a central ethical value and the essential feature of a person.

The emotionally-lexical parallels in the assessment of the texts of the Byzantine theologians and Russian philosophers are especially remarkable. For example, the analyzed texts can be characterized by the following features on a basic lexical level, i.e. on the level of axiomatic concepts: friendliness, intelligence, honesty, self-control, independence, extraversion, refinement and singularity.

** Content analysis of texts was carried out using a computerized psycholinguistic expert system VAAL, module, content analysis for the Russian language.

The factorization by the Principal Components methods of the philosophical texts has shown that the combination of factors, covering 67.5% of the variance reflects the following determinants of Russian theological discourse: *"Logic and sequence"* (the main factor), *"Morality and immorality of personal existence"* (the second single factor), *"The power of love as the independence of the ill-will"* (the third single factor) and *"Knowledge as the highest activity"* (the fourth single factor).

The factorization of the theological texts provided the following factors: *"The benevolent intelligence and truthfulness"* (the main factor), *"The power of prayer as the ethical value"* (the second main factor), *"The sinfulness of the human soul"* (the third single factor), *"Holiness as the complexity for presentation"* (the fourth single factor) (factors comprise 74.5% of the variance).

Total factorization of the whole array of texts embodying Russian mentality allowed to distinguish four independent factors which describe 66.5% of the total variance: *"Logical sequence"* (the main factor), *"The value of learning as an activity, authority and independence"* (the second single factor), *"Unconditional moral value of love"* (the third single factor) and *"Duty as a divine essence of man"* (the fourth single factor).

The preliminary results of this study allow to make the tentative assumptions regarding the specifics of Russian religious and philosophical approaches to the interpretation of human rights and human purpose in the world, the head of which is submitted by not primarily epistemological (in contrast to the Western tradition), but the ontological and axiological concepts. In the language of modern fundamental science, the Russian philosophical tradition prefers not "gnosis" but "noesis", i.e., by Vernadsky, the processes that are relevant not to empirical, but to universal principles of existence and knowledge. In other words, the fundamental idea of the essence of man and humanity is postulated on the basis of a noetic comprehension of life, which leads to the creation of its new forms.

Certainly, it is very difficult to convey the diversity of the semantic structure, which is embodied in the Russian ethnos mentality. However, it is obvious that the key descriptors of the socio-cultural galaxies are completely unfamiliar to our psychologists. Thus, they (we) are trying to introduce the principles of naive Protestant relativism into Russian absolutist, ethical in its essence consciousness. There are the attempts to replace the value of Love by the reductive and deeply wrong attribution of the determining role of sexuality or the notorious role of personal (individualistic in nature) "freedom". Thus, we deprive our own society, the Russian people, our patients of a true existence, offering them the way of a borrowed life, the key determinants of which remain unnamed.

The data obtained from the experiment, provide some adjustments to the theory and practice of counseling work with representatives of the Byzantine Orthodox Eastern Slavic culture. We affirm that irreducible socio-cultural features of Russian people are the true content and subject of national traditions and perspectives of non-medical psychotherapy. Thus, the focal point of counseling and psychotherapeutic work, and the main goal, arising from the Russian anthropology is the restoration and strengthening of personal dignity. It is obvious that this cannot be done directly due to the changes in patient's emotional state. Consequently, the primary task is the patient's emotional balance recovery, and then, — personal dignity restoration. The processes of the personal Ethical Core improvement are the culmination of counselling and psychotherapeutic work. To be short, this triune task can be called "the task of three "R": Revitalization, Revaluation, Reconstruction of personal "Self". A psychotherapeutic tradition that is rooted in Russian philosophical anthropology is nothing else but the Ethical Personalism, because Russian culture is peculiar in its aspiration for moral perfection. At the same time, for example, Jews tend to improve their intellectual sphere. At least, that's what Moses Maimonides (Rambam) who was revered by Jews as the second Moses, wrote in the XII century [20, p. 499]. The Russian people are the bearers of not Protestant permissive norms, not Jewish rules of ban, not Islamic rules of obedience, but of the Eastern Christian norms of blessed actions which are authorized by the absolute Good and the absolute Goodness.

The opening of the value-semantic conflict, the core of which, are the feelings, associated with either voluntary self-sacrifice, or with the comprehension of others sacrifice that, in fact, raises the ethical dissonance — is the core of Russian psychology and Russian Ethical Personalism. Thus, although the term "Ethical Personalism" belongs to Max Scheler, psychological content of its phenomenology directly reflects the nature of the Russian mentality that manifests itself in the need of the moral life comprehension. The results suggest: firstly, the Russian people are not so irrational, as they are considered in the artificial myths. The imposition of the values of personal gain and success, adopted in an alien commercialized culture, is the undeniable threat for the Russian consciousness.

Secondly, the archetypal feature of the Russian mentality is *contemplation* rather than practicality, because the categories of activity, authority and independence are combined into the one construct along with the value of Knowledge.

Thirdly, the *Love* is absolute and supreme moral value for us. And Freedom, as A.A. Ukhtomskii rightly said, given only where the gifts of the Holy Spirit are. While, for example, in the Noahizm movement with its attempts to introduce "the universal ethics", "there is a faith in the One God (in this case everyone has his own understanding of it), there are restrictions, there is judgment, but there is not the Christian value of Love, revealing the identity of a man", according to the deep remark by O. Chetverikova [19, p. 216]. By the way, the essence of a person according to the Russian understanding is a *Duty*.

It is important to note the coincidence in the interpretation of Freedom as negativistic state, and Duty — as constructive state by M. Apter (the author of the Reversal Theory) and as conformist state, according to Americanized terminology, and as collectivistic, within our Russian terminology [24].

There are these, non-reducing sociocultural properties of the Russian people are the true content and the subject of native traditions and perspectives in non-medical psychotherapy. Another thing is that the Russian high culture had been destroyed in the twentieth century. So, the Russian people feel themselves like the spiritual orphans. Thus, the return of self-esteem to the Russian man is the most healing drug. But unfortunately, only extreme, borderline situation is a necessary condition for this awakening. This extreme situation on the borderline of human and non-human make the Russian psychology oppose the Western transgression, within which according to S.S. Horuzhy "the violation itself is elevated into the fundamental anthropological installation" [18]. Thus, the primary task of our psychologist's professional education is a comprehension of belonging to their culture and the modes of actions, arising from this culture.

The Initial Presuppositions of Counseling in Accordance with the Russian Mentality

Our research indicated that people tend to see a psychologist in quite specific situations — situations of personal victimization. If the situation is real and derives from the circumstances, its psychological consequences refer to the actual psychological event — the experience of changing, overcoming the situation and adapting to it [1]. The initial integral component psychologists have to deal with is the psycho-emotional state of a person, given him by this experience. The psycho-emotional state is the background and original condition of the mental existence itself: from the self-perception of psycho-physiological state of the body to ever higher and meaningful reflections of personal existence. The important thing is that the psycho-physiological condition is presented and expressed by man through the semantics and representations of the **image**. We affirm that the initial target of the application of psychologist's efforts is the trichotomy: **image — state — body**.

The original experience as the Self-experience is transformed into the actual personal manifestations, provided by social guides, by means of which the psychic experience is expressed and conceptualized. They are: norms, social attitudes, typical causal attributions and value-orientations inherent to all human beings as social individuals. In other words, the totality of ideologems, revealed as a sequence or even system of constructs. At this level the psychologist deals with the social individual, claiming his own world outlook (or even the system of ideologies), refracted through a prism of his own personality type. This is trichotomy: **ideologem — construct — accentuation**.

Finally, the actual level of the personal "Self" involves the unique personalized meanings and relationships which make up the ideogenesis of personality in its attempts and strategies for understanding the world and itself within the world. The experience of Self-existence as equal to the world existence forms the quintessence of the Self-meanings and the ability to translate those meanings in life — this is the subjectivity per se.

It should be emphasized that in the Russian high culture essential manifestation of subjectivity inherently represent the ethical dimension of personal existence. Since praxical, gnostic or aesthetic actions, which are deprived of the quality of Goodness, do not correspond to the Russian mentality. In this case, the highest level of the personal "Self" the psychologist is dealing with is the trichotomy: **attitude — sense — idea/concept**. In other words, there are the starting points of self-determination in the situation, the chronotope, the whole life.

The totality of the circumstances leading to the event, i.e. changing the status quo of some reality, whether psychosocial (the situation) or mental (the emotional state) are the manifestation of ontological background of the experience-state.

The Ethical Personalism is a method that was designed for psychological counseling within situations of traumatic interpersonal relationships, which leads to ethical dissonance, i.e. to a conflict of person's own ideas of Right and Wrong in relationships and behavior with their actual practice, as it actually is. If the situation is a real event in the present circumstances, the experience of psycho-emotional state is a mental event within the ethical dissonance that entails a change in the personal position, often manifested as a loss of subjectivity ("the position of the victim"). Starting with the recovery of mental equilibrium, continuing with personal dignity restoration (overcoming the "victim" position) and finishing with the development and improvement of the "Self" ethical core — these three processes in the Ethical Personalism cover the entire process of the Self-subjectivity restoration.

The psychologist deals with the suffering person. Sufferings are manifested in complaints projecting as the external, faced outward form of suffering. In turn, the complaints may have two fundamentally different vectors: complaints about the conditions and complaints about the relationships. It can be easily seen that even if these complaints are combined, they include two levels of Self-manifestation, outlined above. The third level — the level of Self-subjectivity reflection — appears only in the process and as a results of the preliminary counselling and further psychotherapeutic work.

The first and the main task for the counseling psychologist is the estimation of the cause of suffering manifested in the complaints, and their etiology — psychogenic, organic, biochemical or mixed.

In all cases, except for the purely psychogenic problems, the psychologist cannot act as the central figure of psychotherapy. First, he must carry out a consulting work (the referral to the appropriate specialist), and then, if it is necessary, counseling and training assistance. The latter may be useful in the situations of providing the emotional abreaction, retraining, etc.

Let's pay attention to the general scheme of counseling work. First of all it is necessary to establish a contact with suffering person. The contact establishment is an indispensable condition for solving the main task of the first stage of counselling work:

the primary orientation in psychosocial complaints and the general situation. After the general issues relating to the clarification of the psychological and social status (age, education, marital status, personal history, etc.), the psychologist asks such fundamental questions, as:

1. How it seems: what are you worried about? — The question on the image of the situation and a complaint.
2. Because of what your soul hurts? — The question to clarify the causes of suffering.
3. How long is this going on with you? — A question on orientation in a situation of suffering.

CASE STUDY

Psychologist (after clarification of the patient's psychological and social status, and issues related to the life history): How it seems: what are you worried about?

Patient: I don't know how to live after husband's adultery. I don't want to live at all.

Psychologist: It is very important, it is vitally important to understand, why does your soul hurts: because of your husband's betrayal, because of the threat of your family disintegration, because of the loss of trust...

Patient: ...Because of the unbearable humiliation! He crushed me, my love, and my trust! (crying).

Psychologist: When has all this happened? How long is this going on with you?

Patient: I felt something for some time, and the day before yesterday this woman called me and asked me to let him go...

So, **the first step is Preparatory.** This, non-specific stage is intended to the primary orientation in the complaints and the patient's common psycho-social situation, to establish the adequate level of confidence, to prepare patient for the situation of personal and relational diagnostics. The second step in the Ethical Personalism has its own specific content.

The second step is Diagnostic. It is important that this step must be carried out by a colleague — assistant, co-therapist, i.e. another psychologist whose function is to remove the possible transfer, the unnecessary binding to therapist and to give the constructive feedback about the psychological diagnosis — situation, status and identity of the patient. The general purpose of personal and relational diagnostics is to objectify status, personal characteristics and strategies of interpersonal relationships in a specific traumatic situation. We are talking about express-diagnostics.

The diagnostic procedures may include well-known tools: projective tests (M. Lusher Color Test, Psychographic test by A.V. Libin), as well as some scales from R. Ketell Individual personality questionnaire, in particular the scale, reflecting factor "B"; MMPI in edition of Berezin F.B. or Sobchik L.N., or its shortened version that is known as "Mini-Mult", i.e. a set of procedures providing the rapid diagnosis of personality and its conditions.

But the special attention should be paid to the method of *Assessment and Prediction of Psychological Development of Interpersonal Situations*, that was designed to identify the figure of "victim" and the existence of the "sacrifice" — symbolic, but traumatic in its nature [1, c. 344—356]. This diagnostic technique helps to recognize the ontological foundations of interpersonal conflict, by redefining it as the parties correlated with Biblical characters of Abel and Cain. The patient gets moral support that uplift human motivation to overcome the victim position and to restore his personal dignity by reflecting who is actually a beneficiary and who is a victim in the current relationship.

The proposed tool focuses on patient's emotional state, his intellectual and personal status that gives the opportunity to build strategy of counselling work, adequate for given situation and personality.

Typical outcomes of the second step: based on the results of diagnostics, the psychologist completes the orientative-diagnostic phase with the clinically-oriented interview in which the data obtained are discussed, the patient's attitude to them is clarified, the actual subject of psychological work or other direction and objectives of the current situation are determined.

The most common deployment scenarios after the express-diagnostics stage are following:

1. The complaints and the reason for psychological help seeking are adequate for the traumatic situation; patient's psycho-emotional state (general stress, anxiety, depressed mood, frustration, agedony, etc.) and the personal accentuation do not exceed the limits requiring urgent medical intervention; basic traumatic experience is related to psychogenic trauma induced by the interpersonal relationships.

2. The complaints and the reason for psychological help seeking are not coherent. For example, the complaint sounds like a spouse accusation of adultery. But the degree of personality accentuation, the scale-level by a factor of "B" of Kettell's test, personality profile of the "Mini-Multi" and the inability to perform a psychographic test, as well as clinically-oriented interview suggest that this is a delusion of the relationships.

3. The complaints and the reason for psychological help seeking are adequate for the situation. However, in the process of diagnosis and clinically oriented interview it became clear, that the problem lies in a completely different person. The fact is that it was the other one, who has caused a specific traumatic situation. And it is obvious, that no emotional state of those, who asked for help, nor his intellectual level or personal accentuation cannot distort the overall picture. So the focus should be primarily on the person who have served as the cause of psychologist's help seeking.

It is clear from the foregoing, that the immediate situation of making the psychologist's efforts is the first of the possible outcomes. In the second case there is a need to refer a patient to a psychiatrist (or a doctors of other specialties), which also requires the special skills and competencies. Otherwise, you can injure a person or, even worse, contribute to his morbidity rate. In the third of the typical outcomes the special efforts are needed for building a situation of psychological help, because it is only marked, but not manifested.

So, only the situations of the first type can be considered as ready for counseling work since the first meeting.

The protocol of counseling work within the modality of Ethical Personalism was developed specifically for this type of counseling situations. Its main stages can be described by the following algorithm:

1. To reformulate a complaint into a specific question that requires a response **"Yes"** or **"No"**.
2. To clarify those who really can help to achieve the desired and the basic values of the patient (for whom).
3. To find the original error in the former behavior that led to the psychological trap of "Abel — Cain".
4. To clarify whose incorrect blessing to an erroneous action (or lack of true blessing) led to the tragic outcome in the relationships.
5. To discuss what specific incorrect actions have resulted in this unfortunate situation.

6. To analyze all possible alternatives of the situation development, using a scale of absolute ethical values (from absolute Goodness to the absolute Evil).
7. To identify the reference figure — the bearer of the absolute value of Goodness, relating to this situation.
8. To ask the image of the reference figure for blessing for the responsible action (for changing personal positions, strategies of behavior)
9. To agree the treatment activities, behavior strategies with the image of referent figure.
10. To get a blessing for decisions and actions.
11. To discuss the most appropriate strategies and tactics of psychotherapy, including the appropriateness of combined pharmacotherapy involving a doctor (neurologist, psychiatrist or other clinician, among physicians — endocrinologist or gastroenterologist).

Our experience have shown that this algorithm helps to organize and make effective the job of counseling psychologist, especially with our compatriots, who are not accustomed to long and regular visits to psychologists, whose psychotherapy is not intended to substitute a real life, the dubious merit of which can be easily attributed to psychoanalysis.

Thus, culturally-oriented psychological practice appears as the backbone of the development of native traditions in psychological counselling and psychotherapy.

References

1. Bondarenko A.F. *Yazyk. Kul'tura. Psikhoterapiya: sb. nauchnykh statei*. Kiev, Kafedra Publ., 2012. 416 p.
2. Bondarenko A.F. *Eticheskii personalizm. Metodicheskoe posobie po psikhologicheskomu konsul'tirvaniyu, soobraznomu russkoi kul'ture*. Kiev, Al'fa Reklama Publ., 2014. 100 p.
3. Bondarenko A.F., Fed'ko S.L. Tendentsii indigenizatsii i ikh osmyslenie v sovremennoi konsul'tativnoi psikhologii. *Med. psihol. Ross.*, 2014, no. 5(28). Available at: <http://www.mprj.ru>
4. Burno M.E. *Klinicheskaya psikhoterapiya*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 719 p.
5. Venger A.B. Psikhoterapiya: zapadnaya teoriya i rossiiskaya praktika. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2004, no. 1, pp. 5–17.
6. Vorob'eva L.I. *Predislovie redaktora*. In: Vorob'eva L.I., Vasilyuk F.E., eds. *Gumanitarnye issledovaniya v psikhoterapii. Trudy po psikhoterapii i psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu*. Moscow, PI RAO Publ.; MGPPU Publ., 2007, issue 1.
7. Danilevskii N.Ya. *Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2008. 816 p.
8. Zhirar R. *Nasilie i svyashchennoe*. 2-e izd., ispr. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 448 p.
9. Latypov I.V. Kul'turno-istoricheskaya psikhoterapiya: V poiske svoei nishi. *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna"*, 2012, no. 3, pp. 20–28.
10. Lur'e S.V. *Psikhologicheskaya antropologiya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 622 p.
11. Martinsone K.E., Karpova A.K. Interpretatsiya psikhologii v sotsiokul'turnykh vzaimosvyazyakh. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2008, vol. 3, no. 1, pp. 28–40.
12. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki*. Smolensk: SGU Publ., 1997. 400 p.

13. Sukharev A.V. *Kul'turno-psikhologicheskie osnovaniya etnofunktsional'noi psikhoterapii*. In: Vorob'eva L.I., Vasilyuk F.E., eds. *Gumanitarnye issledovaniya v psikhoterapii. Trudy po psikhoterapii i psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu*. Moscow, PI RAO Publ.; MGPPU Publ., 2007, issue 1, pp. 204–228.
14. Toinbi A. *Postizhenie istorii*. Moscow, Airis Press, 2006.
15. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST" Publ., 2003. 603 p.
16. Ukhtomskii A.A. *Intuitsiya sovesti: Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh*. St. Petersburg, Peterb. pisatel' Publ., 1996. 528 p.
17. Fantalova E.B. "Russkii katarsis" kak fenomen kul'tury i psikhoterapevticheskii priem. *Zhurnal praktikuyushchego psikhologa*, 2003, no. 9, pp. 11–16.
18. Khoruzhii S.S. *Sovremennaya antropologicheskaya situatsiya v svete sinergii i antropologii. Vystuplenie na nauchnom seminare filosofskogo fakul'teta Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta v aprele 2006 g.* Available at: <http://www.rulit.me/books/sovremennaya-antropologicheskaya-situatsiya-v-svete-sinergijnoj-antropologii-read-204277-2.html>
19. Chetverikova O.N. *Izmena v Vatikane, ili zagovor pap protiv khristianstva*. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 240 p.
20. Yalom I. *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya*. Moscow, Rimis Publ., 2008. 576 p.
21. Adair J.G. Indigenisation of Psychology: The Concept and its Practical Implementation. *Applied Psychology: an International Review*, 1999, no.48(4), pp. 403–418.
22. Ahluwalia M.K., Zaman N. *Counseling Muslims and Sikhs in a Post-9/11 World*. In: Ponterotto J.G., Casas M.J., Suzuki L.A., Alexander Ch.M., eds. *Handbook of Multicultural Counseling*. 3rd edition. Thousand Oaks, CA, SAGE Publications, Inc., 2010, pp. 467–478.
23. Allwood C.M., Berry J.W. Origins and development of indigenous psychologies: An international analysis. *International Journal of Psychology*, 2006, no. 41, pp. 243–268.
24. Apter M.J. *The experience of motivation: The theory of psychological reversals*. L., N. Y., Academic Press, 1982. 378 p.
25. Bernal G., Sáez-Santiago E. Culturally-centered Psychosocial Interventions. *Journal of Community Psychology*, 2006. Available at: http://www.academia.edu/2632560/Culturally_centered_psychosocial_interventions (Accessed: 11 September 2013).
26. Caas J.M., Park Y.S., Cho B. *The Multicultural and Internationalization Counseling Psychology Movement*. In: Ponterotto J.G., Casas M.J., Suzuki L.A., Alexander Ch.M., eds. *Handbook of Multicultural Counseling*. 3rd edition. Thousand Oaks, CA, SAGE Publications, Inc., 2010, pp. 189–200.
27. Gerstein L.H., Heppner P.P., Ægisdóttir S., Leung S.A., Norsworthy K.L. *Cross-Cultural Counseling: History, Challenges, and Rationale*. In: Gerstein L.H., Heppner P.P., Ægisdóttir S., Leung S.A., Norsworthy K.L., eds. *Essentials of Cross-Cultural Counseling*. Thousand Oaks, SAGE Publications, Inc., 2012, pp. 1–47.
28. Henriksen R.C., Jr., Trusty J. Ethics and values as major factors related to multicultural aspects of counselor preparation. *Counseling and Values*, 2005, vol. 49, no. 3, pp. 180–192.
29. Jim J., Pistrang N. Culture and the therapeutic relationship: perspectives from Chinese clients. *Psychotherapy Research*, 2007, no. 17(4), pp. 461–473.
30. Yan M.C., Lam C.M. Repositioning Cross-cultural Counseling in a Multicultural Society. *International Social Work*, 2000, no. 43(4), pp. 481–493.
31. Yang K.-Sh. Indigenous Psychology, Westernized Psychology, and Indigenized Psychology: A Non-Western Psychologist's View. *Chang Gung Journal of Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 5(1), pp. 1–32.
32. Young R.A., Nicol J.J. Counseling Psychology in Canada: Advancing Psychology for All. *Applied Psychology: An International Review*, 2007, no. 56(1), pp. 20–32.